

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-5-155-174

Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты

С.В. ШАРАПОВ, кандидат исторических наук
E-mail: sharapovsv1@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3526-8088
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье впервые в историографии приводятся данные об объемах хлебозаготовительных планов и результатах их выполнения для всех регионов Западной Сибири. На примере этого макрорегиона раскрываются характерные черты государственной хлебозаготовительной политики в годы Великой Отечественной войны: планы составлялись в отрыве от экономических возможностей производителей, а методы командно-административного давления на деревню приводили к многочисленным дисбалансам в отрасли. При этом усиление репрессивных и мобилизационных мер не только по отношению к крестьянству, но и к управленческому звену способствовало удержанию трудовой и налоговой дисциплины в колхозах и совхозах, которая, по мнению политического Центра, являлась важнейшим фактором стабильного притока зерна в государственные продовольственные фонды.

Ключевые слова: аграрная политика; Советское государство;
сельское хозяйство; хлебозаготовки;
Великая Отечественная война; Западная Сибирь

Введение

Обозначая сущностные черты советской экономики сталинского периода, современные историки, как правило, указывают на ее плановый, командно-административный, мобилизационный характер. Эти же черты в полной мере присущи системе государственных хлебозаготовок СССР, которая сложилась в 1930-е гг. и стала неотъемлемой частью советского экономического уклада. Она прошла испытание Великой Отечественной войной, претерпев в военное время лишь незначительные изменения. Стабильность и преемственность системы производства и распределения сельскохозяйственной продукции стали важным основанием для советских исследователей заявлять о ее эффективности. Производство при этом опиралось на колхозно-совхозный строй, а преобладающей формой реализации товарной продукции была передача ее государству в ходе заготовительных кампаний.

То, что государство оставалось доминирующим актором, аккумулировавшим и направлявшим потоки продовольственных ресурсов от производителей к потребителям, сыграло решающую

роль во время войны, когда требовалось своевременное и бесперебойное снабжение воюющей армии и тылового населения городов. Несмотря на то, что основные показатели сельского хозяйства (посевные площади, валовые сборы и т.д.) за годы войны снизились, советские историки все же признавали за колхозным строем важнейшую роль в победе (См.: [Арутюнян, 1970; История советского крестьянства..., 1987; Анисков, 1993]; и др.). Так, Ю.В. Арутюнян писал, что «колхозный строй способствовал созданию политической основы победы Советского Союза в Отечественной войне» [Арутюнян, 1970. С. 382]. Речь шла о лояльности крестьянства советской власти, благодаря которой «советский тыл был прочен и монолитен» [Арутюнян, 1970. С. 382].

Ревизия апологетической по отношению к колхозному строю точки зрения началась в перестроечные и постсоветские годы [Корнилов, 1990; Кондрашин, 2005]. Наиболее последовательно вывод о том, что война продемонстрировала слабость колхозного строя, прослеживается в статье В.В. Кондрашина. С точки зрения автора, сложившаяся в 1930-е гг. экономическая организация сельского хозяйства сама по себе была не способна удовлетворить потребности воюющей страны. Однако эта слабость компенсировалась жесткостью государственных заготовителей, готовностью крестьянства идти на жертвы, развитием огородничества и подсобных хозяйств в городах. В.П. Мотревич в одной из своих работ приходит к заключению, что «система заготовок настолько противоречила реальному положению дел в сельском хозяйстве, что это грозило окончательно подорвать экономику колхозов» [Мотревич, 1993. С. 261].

Цель данной статьи – выявить характерные черты хлебозаготовительной политики государства в годы Великой Отечественной войны на примере Западной Сибири. Значение данного макрорегиона, обладавшего мощной базой сельскохозяйственного производства, в годы войны резко возросло в связи с оккупацией Украины и Северного Кавказа. При острой потребности в продовольствии государство проводило изъятие хлебных ресурсов без оглядки на ущерб, наносимый сельхозпроизводителям. В этой связи интерес представляет исследование методов мобилизации зерна и политики стимулирования его производства в экстремальных условиях войны.

Тенденции хлебозаготовительной политики в предвоенные годы

Система хлебозаготовок в СССР формировалась в течение 1930-х, пройдя через несколько этапов трансформации. До 1933 г. главной формой государственных заготовок зерна была так называемая контрактация (хлеб поставлялся на основе заключаемых договоров с производителями). Нестабильность такой системы (заготовительные планы могли меняться в сторону повышения в течение одного года) привела к переходу в 1933 г. к обязательным поставкам, которые должны были проводиться по твердым и неизменным в течение года нормам [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 198–199]. Устанавливаемые государством заготовительные цены при этом на протяжении 1930-х гг. держались на одном уровне и были в несколько раз ниже себестоимости произведенной продукции [Мотревич, 1993. С. 256].

По мере роста механизации сельского хозяйства все большее значение приобретал другой вид хлебозаготовок: натуроплата за работу МТС. В течение 1930-х гг. принципы определения размеров натуроплаты и обязательных поставок менялись. Очередные изменения пришлось на канун Великой Отечественной войны, 1939–1940 гг.

Размер натуроплаты для каждого колхоза зависел от полученной урожайности зерновых. На ее основании колхоз относился к одному из семи разрядов, для каждого из которых расценки работ МТС (зяблевой вспашки, боронования и др.) определялись отдельно (повышались в зависимости от величины урожайности).

С 1939 г. изменился принцип определения урожайности. До этого расчет происходил на основе объемов намолоченного зерна с поправкой на потери (так называемый фактический метод определения урожайности) [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 351]. С 1939 г. произошел переход к биологическому методу, который основывался на оценке видов на урожай, проводимой на корню перед уборкой. Официальные данные валовых сборов, рассчитанные на основе биологической урожайности, в среднем не менее чем на четверть превосходили размеры амбарного урожая, так как потери при этом не учитывались [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 425]. Таким образом, планы натуроплаты возросли при оставшихся неизменными расценках.

Что касается обязательных поставок, то они до 1940 г. определялись исходя из устанавливаемых для каждого района норм сдачи зерна с каждого гектара планируемых посевных площадей. Средние нормы для регионов ежегодно определялись правительственными постановлениями [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 199]. В 1940 г. был введен погектарный принцип. Теперь объем обязательных поставок определялся общим количеством гектаров пашни, закрепленной за колхозами, включая *подлежащие освоению* земли [Ильиных, 2004. С. 130].

В результате получалось, что ключевые показатели, влияющие на баланс производства/потребления (реальные посевные площади и амбарная урожайность), попросту игнорировались при составлении хлебозаготовительных планов. Оторванность планов от реального положения дел свидетельствовала о том, что проводимая государством хлебозаготовительная политика получила мощный крен в сторону усиления командно-административного и мобилизационного компонентов.

Доля изымаемого по всем видам хлебозаготовок зерна относительно валовых сборов значительно возросла уже в предвоенные годы. Так, в Новосибирской области даже относительно «биологических» валовых сборов (т.е. рассчитанных на основе биологической урожайности) процент изъятия в 1938 г. составил 20,6, в 1939 г. – 24,4, а в 1940 г. уже 29,5 [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 500]. Таким образом, накануне немецкого вторжения давление государства на деревню начало расти. Это происходило на фоне обострения международной напряженности и начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. Очевидно, в связи с военной угрозой государство испытывало пределы возможностей изъятия продовольственных ресурсов из деревни.

Кроме обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС, хлебозаготовительные планы включали возврат выданных государством зерновых ссуд (семенных, продовольственных, фуражных). Зерно по всем видам хлебозаготовок поступало в централизованные фонды для дальнейшего распределения. В первые годы Великой Отечественной войны государство, рассчитывая на патриотический подъем, создавало дополнительные заготовительные фонды. В 1941 г. был создан фонд обороны, в который принимались деньги, материальные ценности, продовольствие, в том числе зерно, в качестве добровольных

пожертвований. В 1942 г. учреждается хлебный фонд Красной армии. Сдача зерна в последний имела уже обязательный характер, а ее объемы определялись исходя из количества гектаров пашни, закрепленной за колхозами. По сути, сдача зерна в хлебный фонд Красной армии стала еще одним видом хлебозаготовок, на который распространялись правила обязательных поставок зерна колхозами¹.

В 1943 г. был временно восстановлен отмененный в 1940 г. гарнцевый сбор, предполагавший поступление продукции не от производителей напрямую, а от мельничных предприятий, которые сдавали заготовительным организациям хлеб, полученный от производителей в уплату за помол и переработку зерна. Гарнцевый сбор взимался по разверстанному на регионы плану, а наибольшая его часть поступала в централизованные фонды, поэтому в данной статье он учитывается в числе прочих видов хлебозаготовок [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 13].

Для совхозов, продукция которых, как считалось, полностью принадлежала государству, устанавливался план хлебосдачи (в соответствии с видами на урожай), покрывавший все так называемые товарные излишки. Кроме того, совхозы должны были в устанавливаемые сроки возвращать выданные государством зерновые ссуды [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 205].

В Западной Сибири рост натурального налогообложения, не подкрепленный экономическими основаниями, произвел разрушительный эффект. Из-за засухи и чрезмерного изъятия зерна во время хлебозаготовительной кампании 1940/41 гг. в Новосибирской области и Алтайском крае к началу войны сформировалась острая нехватка продовольствия, фуража и семенного материала, что в ряде районов привело к голоду и массовому падежу общественного скота [Шарапов, 2021]. В результате два из трех регионов Западной Сибири вошли в военный период ослабленными.

Структура хлебозаготовительных планов военных лет

Одним из следствий кризиса сельского хозяйства Алтайского края и Новосибирской области в 1940/41 гг. стало временное

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 203. Л. 242–246.

ослабление заготовительного «пресса». В 1941 г. хлебозаготовительный план для Западной Сибири снизился относительно предвоенных лет. Несмотря на начавшуюся войну, государство предоставило региону «передышку». Однако уже в 1942 г. нажим натурального налогообложения резко усилился. Хлебозаготовительный план 1942 г. для Западной Сибири оказался рекордным по сравнению с предыдущими годами по количеству зерна, планируемого к изъятию. Совокупные хлебозаготовительные планы по Западной Сибири составили в 1938 г. – 3409,970 тыс.т, в 1939 г. – 3669,185; в 1940 г. – 3540,815; в 1941 г. – 3268,596; в 1942 г. – 3863,911 тыс.т².

В структуре хлебозаготовительных планов 1941 и 1942 гг. долевое соотношение различных видов заготовок практически не изменилось по сравнению с довоенным временем. По-прежнему натуроплата за работу МТС и обязательные зернопоставки колхозов составляли наибольшую часть плановых заготовок.

Существенные изменения начались с 1943 г., когда вдвое сократились планы сдачи натуроплаты – и в абсолютном выражении, и в относительном (до 21,9% от общего объема хлебозаготовок против 44,1% в 1942 г.). Объясняется это низкой урожайностью зерновых в 1943 г. (даже по видовым оценкам) и снижением объемов работ МТС – из-за нехватки и износа машин, дефицита горючего и запчастей, неопытности кадрового состава.

В Омской области объем выполненных тракторами работ по сравнению с 1940 г. сократился в 1943 г. на 64,1%. Вместе с тем резко снизилась и производительность. Если в 1940 г. в среднем на один условный трактор вырабатывалось 328 га, то в 1942 г. выработка составляла только 174 га, а в 1943 г. – 141 га³. Множество техники простаивало из-за нехватки запчастей и топлива. К началу уборочных работ в 1942 г. по МТС Омской области не были отремонтированы 944 трактора и 1322 комбайна, в 1943 г. – 1527 тракторов и 1947 комбайнов⁴.

Сокращение натуроплаты в 1943 г. было частично компенсировано ростом планируемых сборов зерна в хлебный фонд Красной армии. В абсолютном выражении план по данному виду

---

² РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66. Приведены совокупные данные по Алтайскому краю, Омской и Новосибирской областям в границах регионов до 1943 г.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1423. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 13.

хлебозаготовок увеличился по сравнению с 1942 г. более чем в два раза, а в числе других видов заготовок его доля достигла 22,6%.

Несмотря на то, что план 1943 г. по Западной Сибири был ниже предыдущего года, именно хлебозаготовительная кампания 1943/44 гг. показала наибольшее за все годы войны расхождение между плановыми показателями и фактическими заготовками зерна. По Западной Сибири процент выполнения составил 38,6% (табл. 1).

Таблица 1. Хлебозаготовительные планы по регионам Западной Сибири и результаты их выполнения в 1941–1945 гг., план, тыс. т (% выполнения)

Регион	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45
Алтайский край	1 302,996 (82,1)	1487,762 (49,0)	1 127,697 (35,3)	870,351 (61,6)
Кемеровская область	- -	367,337 (71,2)	280,606 (58,6)	239,312 (73,4)
Курганская область	- -	883,668 (19,3)	528,959 (24,9)	361,146 (70,9)
Новосибирская область	920,753 (87,7)	747,927 (54,0)	597,870 (47,4)	473,791 (55,7)
Омская область	1 044,847 (85,5)	1 199,688 (43,1)	846,682 (39,5)	470,483 (72,7)
Томская область	- -	- -	- -	94,922 (69,2)
Тюменская область	- -	- -	- -	204,259 (75,4)
Западная Сибирь	3 268,596 (84,5)	4 686,382 (42,8)	3 381,814 (38,6)	2 714,264 (65,9)

Источники. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 749. Л. 20; Д. 865. Л. 91; Д. 749. Л. 28; Д. 865а. Л. 1, 7; Д. 977. Л. 181, 183, 185, 187, 193, 211; Д. 979. Л. 9, 29, 33–45; Д. 1116. Л. 7–9.

Примечания. Данные представлены с учетом изменявшихся во время войны границ регионов Западной Сибири, в том числе образования в 1943 г. Кемеровской и Курганской областей, в 1944 г. – Томской и Тюменской. Сведения о результатах выполнения планов даны на 1 июня каждого года, когда фактически заканчивалась сдача зерна из урожая предыдущего года.

Основной причиной столь низкого результата стало общее истощение производительных сил на третий год войны. Длительное перенапряжение всех оставшихся в деревне технических

ресурсов дало кумулятивный эффект. Секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, посетивший в 1943 г. регионы Западной Сибири во время уборки урожая, так описывал положение дел: «Побывав в районах и колхозах, должен сказать, что колхозы работают на уборке хорошо, а МТС – плохо. Большое количество комбайнов и тракторов стоят не отремонтированными. В силу недоснабжения горючим МТС оказались с минимальным количеством его к началу уборки, особенно по лигроину и бензину»⁵.

Вдобавок лето 1943 г. выдалось засушливым, что отрицательно сказалось на урожае яровых. Биологическая урожайность зерновых в 1943 г. по Западной Сибири оказалась рекордно низкой за все годы войны (6,2 ц/га по сравнению с 10,3 ц/га в 1941 г. и 7,8 ц/га в 1942 г.)⁶.

Только на завершающем этапе войны (1944–1945 гг.) бремя хлебозаготовок, возлагавшееся на сельское хозяйство Западной Сибири, ослабло. Вероятно, это было связано с поставками зерна и продовольствия по ленд-лизу, пик которых пришелся на 1944 г. [Рыжков, 2012. С. 306–323]. Хлебозаготовительный план для Западной Сибири в 1944 г. сократился по сравнению с 1943 г. на 20%. В структуре плана это произошло в основном за счет снижения поставок в хлебный фонд Красной армии. По сравнению с предыдущим годом они сократились более чем в шесть раз и составили среди других видов заготовок 4,1%. Вновь введенный в 1943 г. гарнцевый сбор не представлял значительной доли в планируемом объеме хлебозаготовок (1,2%).

Вместе со снижением планов сократилась доля Западной Сибири в общем объеме собранного по СССР зерна. Удельный вес западносибирского хлеба колебался в течение войны (табл. 2). Итоги хлебозаготовительной кампании 1941/42 гг. были экстраординарны – фактическая доля заготовленного в Западной Сибири зерна оказалась выше предполагаемой по плану, что объясняется оккупацией «житницы» СССР – Украины. Потеря Украины и Северного Кавказа и в дальнейшем повышала значение хлебопроизводящих районов востока страны.

⁵ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 207.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 311

Таблица 2. Доля Западной Сибири в общем объеме хлебозаготовок по СССР в 1941–1945 гг.

Год	Хлебозаготовки по СССР, тыс. т		Доля Западной Сибири, %	
	Запланировано	Поступило	В запланированном	В поступившем
1941/42	36232,560	23854,194	9	11,6
1942/43	23655,996	12496,302	19,8	16
1943/44	17392,284	10558,548	19,4	12,4
1944/45	24447,150	21048,300	11,1	8,5

Источники. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 749. Л. 28; Д. 865а. Л. 1; Д. 979. Л. 20; Д. 1116. Л. 7–9.

В 1942 и 1943 гг. хлебозаготовительные планы по СССР предусматривали доведение доли западносибирского зерна почти до 20%. Однако, если сравнить планы с результатами их выполнения, становится очевидным несоответствие ожиданий и экономических возможностей аграрных хозяйств Западной Сибири.

Особенности хлебозаготовительной политики в годы Великой Отечественной войны

Несмотря на все тяготы начавшейся войны, государство ожидало усиления притока зерна в продовольственные фонды. Политический Центр через средства пропаганды декларировал не имевшую экономических оснований уверенность в том, что советская деревня в условиях сокращения трудовых и тягловых ресурсов способна обеспечить рост производственных показателей. Считалось, что трудовой энтузиазм, вызванный побуждениями встать на защиту Родины, экономия, тщательный контроль над всеми видами сельскохозяйственных работ в совокупности способны были компенсировать потери в людях и технике.

Официальная пропаганда использовала все ресурсы, чтобы мобилизовать деревню на трудовой подвиг. Передовица газеты «Правда» от 2 января 1942 г. формулировала данную установку следующим образом: «Перед колхозным крестьянством станет задача дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства, увеличения посевных площадей в предстоящую весеннюю посевную кампанию, повышения урожайности зерновых и технических культур, увеличение производства мяса, масла, сахара,

хлопка, льна, риса, табака»⁷. Передовица той же газеты от 11 января 1942 г. настраивала село на максимальную реализацию всего производственного потенциала: «Социалистическое сельское хозяйство располагает обширными резервами. В военное время надо максимально производительно использовать тракторы, сельскохозяйственные машины, живое тягло. Тысячи и тысячи трактористов показывают образцы стахановской работы <...>. Необходимо быстрее привести в движение все огромные резервы, имеющиеся в колхозной деревне»⁸.

Задача мобилизации всех возможных резервов во многом ложилась на плечи административно-управленческого аппарата. Вся управленческая вертикаль, от руководителей регионального уровня до председателей колхозов и бригадиров, должна была перестроить работу «на военный лад», требуя от себя и от других максимальной трудовой самоотдачи.

Наращивание административного давления на сельхозпроизводителей стало характерной чертой военного времени. В наиболее острые этапы посевных, уборочных и заготовительных кампаний в деревню направлялись многочисленные уполномоченные, «эмиссары» районных или областных организаций. Осенью 1941 г. государство создало еще один дополнительный инструмент командно-административного контроля и давления – политотделы при МТС и совхозах⁹.

Официальная пропаганда настраивала управленческий аппарат на жесткость в решении поставленных государством задач: «В военное время тройне нетерпимы малейшая расхлябанность, примиренческое отношение к всякого рода недостаткам в сельском хозяйстве. Задача местных партийных и советских организаций, политотделов – опираясь на колхозный актив, и впредь неустанно повышать трудовую и государственную дисциплину в колхозах, МТС и совхозах»¹⁰.

Острая потребность в хлебе заставляла государство директивными указаниями требовать расширения посевных площадей.

---

⁷ Правда. 1942. 2 января.

⁸ Правда. 1942. 11 января.

⁹ Политотделы были ликвидированы в 1943 г., когда в связи с накоплением достаточного опыта управления сельским хозяйством в условиях военного времени отпала надобность в дополнительных чрезвычайных органах.

¹⁰ Правда. 1942. 11 января.

В 1942 г. посевные площади зерновых культур в Западной Сибири по сравнению с 1940 г. увеличились на 435,9 тыс. га, или на 4% (данные приведены в границах регионов 1945 г.)¹¹. С 1943 г. и до окончания войны посевные площади стремительно сокращались, составив в 1945 г. 69% от уровня 1940 г.¹² В восточных регионах страны расширение посевных площадей зерновых происходило в основном за счет озимых культур (на чем настаивало правительство, рассчитывая, что увеличение озимого клина будет способствовать равномерному распределению трудовой нагрузки на людей и технику в течение года). В Омской области к 1942 г. посевы озимых культур увеличились на 220 тыс. га при одновременном снижении площади яровых на 127 тыс. га¹³.

Для зернового производства кампания расширения посевных площадей в результате обернулась распылением трудовых и тяговых ресурсов. В связи с сокращением мужского населения в сельской местности резко возросла средняя нагрузка на работника. Так, в Новосибирской области в 1938 г. на одного трудоспособного колхозника, включая подростков, приходилось 3,7 га уборочной площади зерновых, а в 1942 г. уже 5 га¹⁴. Нехватка машин, людей, живого тягла при возросшем объеме сельскохозяйственных работ привела к ухудшению качества обработки почвы, несвоевременному выполнению основных работ и срыву агротехнических мероприятий значительной частью колхозов.

О негативных последствиях кампании расширения посевных площадей говорилось в отчете Новосибирского обкома о работе за военный период: «Доведя к 1943 г. посевные площади до максимальных размеров, в то же время обком допустил упрощенчество и грубейшие нарушения основных правил агротехники, в результате чего за все эти годы планы вспашки паров и подъема зяби, вывозки удобрений и снегозадержания не выполнялись, снижено качество и допущено растягивание сроков посевных работ; были нарушены, а также не осваивались введенные севообороты» [Сельское хозяйство..., 2012. С. 307].

Результаты хлебозаготовительной кампании 1942/43 гг. оказались разочаровывающими. Западная Сибирь выполнила

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 158.

¹² Там же.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1423. Л. 9.

¹⁴ ГАНУ. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 131.

план на 42,8% (табл. 1). Ни трудового энтузиазма крестьянства, ни командно-административного нажима не хватило для выполнения откровенно завышенных требований. Пройгнорировав объективные, экономические причины провала хлебозаготовок, политический Центр всю вину за него переложил на «колеблющихся» руководителей и активизировавших свою деятельность «вредителей» на местах.

В ноябре 1942 г. было принято специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о плохом руководстве хлебозаготовками Алтайским крайисполкомом и крайкомом ВКП(б). Основной причиной неудовлетворительного хода кампании были объявлены «политические колебания» краевых властей и отсутствие решительной борьбы с саботажем: «В условиях отечественной войны злейшими врагами родины, советского народа и партии являются саботажники хлебозаготовок с партбилетами в кармане, организующие обман государства и провал выполнения плана хлебозаготовок в угоду фашистам»¹⁵. К ним следовало «применять суровые репрессии – исключать из партии, арестовывать, предавать суду и заключать в концлагеря»¹⁶.

Несмотря на то, что постановление было адресовано властям конкретного региона, оно явно имело показательный, демонстративный характер, поскольку предназначалось к рассылке всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик¹⁷ с очевидной целью «встряхнуть» регионалов, предупредив их о высокой ответственности и, более того, поставив перед угрозой репрессий.

Инициирование охоты на «саботажников» предварялось принятием мер, увеличивавших трудовые обязанности и усиливавших ответственность за их неисполнение. В апреле 1942 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о повышении обязательного количества трудодней для колхозников¹⁸. В Западной Сибири, как и во многих других регионах страны, минимальное количество трудодней в году возросло с 80 до 120. Колхозники, не выполнившие без уважительных причин обязательный минимум, предавались суду и выбывали из колхоза,

---

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 58.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 59.

¹⁸ Там же. Д. 199. Л. 354–357.

лишаясь приусадебного участка. Также обязательный минимум в размере 50 трудодней был установлен для подростков от 12 до 16 лет.

Вслед за принятием специального постановления по Алтайскому краю в декабре 1942 г. в Западную Сибирь выехал секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев (в конце 1943 г. он будет назначен народным комиссаром земледелия СССР). Цель его поездки – исправить ошибки местных властей и ускорить ход хлебозаготовительной кампании. Составленные по единому шаблону выступления А. А. Андреева в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях на совещаниях региональных комитетов партии при участии секретарей райкомов, начальников политотделов МТС и директоров совхозов весьма красноречиво свидетельствовали о его непоколебимой убежденности в том, что хлеб, необходимый для выполнения планов, в регионах имелся.

В доказательство А. А. Андреев апеллировал к официальным оценкам видов на урожай. Основанные на них расчеты позволяли предположить, что в хозяйствах остается достаточное количество хлеба. Наглядной демонстрацией хода рассуждений А. А. Андреева служит отрывок из его речи, произнесенной перед алтайскими ответственными работниками: «Средний урожай, по видовой оценке Центрального статистического управления (ЦСУ), а не по, так называемому, намолоту, который никто не знает, составляет в крае 55 пудов с га (9 ц/га) <...>. Сколько же сдано хлеба с гектара? – 8,5 пудов (1,4 ц/га), засыпано семян – 1 центнер, израсходовано на выдачу колхозникам аванса 15% от сданного хлеба и всего израсходовано около 3 центнеров хлеба. А остальной хлеб обмолоченный и не обмолоченный где? Хлеб есть, этот вопрос снимается»¹⁹.

Тот факт, что при определении видовой урожайности не учитывались потери зерна во время уборки и обмолота, которые возросли в военное время, полностью игнорировался. Тем не менее, региональным властям было вменено во время хлебозаготовительной кампании опираться исключительно на оценку видовой урожайности, не обращая внимания на любые иные данные.

---

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 122.

От Новосибирского обкома А. А. Андреев требовал покончить с «настроениями занижения урожая» и перестать «руководствоваться результатами намолота»: «Устанавливать урожайность – прерогатива государства, только оно может установить действительную урожайность хлебов. На каком основании вы оказались доверчивы к данным, которые исходят от колхоза? На каком основании оказались в недоверии к данным установленной видовой оценки урожая перед началом уборки и больше верите рваческим данным, составленным для обмана государства, данным, определяемым намолотом хлебов с малоурожайных участков. Это и вскрывает вашу неправильную ориентировку, вашу ориентацию на колхозы, а не на государство. Поверив данным о намолоте, вы связали себя по рукам и ногам. Кто поверил этим данным, тот конченный человек. Такой человек не может проводить хлебозаготовки»²⁰.

Впоследствии установка ориентироваться на оценки видовой урожайности была закреплена на всесоюзном уровне. В начале декабря 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), запрещавшее ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах. Такие сведения маркировались как искажающие действительную картину урожайности²¹.

Выступления А. А. Андреева весьма ярко иллюстрируют ту линию руководства, которую во время войны ожидал политический Центр от регионалов. Она предполагала практически полный отказ от попечительской роли в отношении сельского хозяйства на вверенной территории. «Излишняя» забота об экономике региона маркировалась как «местнический» подход к управлению. На первый план должна была выйти политическая целесообразность. Местные партийные функционеры должны были в первую очередь осознать себя представителями партии как всесоюзной организации, а значит, выразителями интересов, выходящих за рамки одного региона.

Именно за отсутствие такого осознания А. А. Андреев критиковал местные власти Новосибирской области: «Судя по ходу хлебозаготовок, вы перестали быть представителями государства

---

²⁰ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 146–147.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

и партии, а превратились в защитников частных интересов колхозов и рваческих совхозов»²². В Алтайском крае А. А. Андреев обрушился с критикой на местное руководство за «излишнюю» заботу о заполнении семенных фондов колхозов: «С самого начала крайком своим решением, которое ЦК ВКП(б) отменил, установил – сколько из нового урожая должно быть засыпано не только на этот год, но и на будущий, то есть о семенах позаботился больше чем нужно <...> Вы перестали быть представителями партии и государства, забыли о государственных интересах и превратились в защитников частных интересов в колхозах. Только этим можно объяснить, что вы увязли в хлебных балансах, что у вас бесшабашное растаскивание хлеба, что у вас не обмолочено 1 миллион пудов хлеба. Вы боитесь оставить колхозы без хлеба и без семян. А как обеспечить армию, промышленность хлебом?»²³.

Поскольку отставание в выполнении плана заведомо связывалось с «саботажнической» деятельностью на местах, особое значение в речах А. А. Андреева придавалось борьбе с «антигосударственным элементом» в деревне, который в традиционной социально-классовой риторике СССР ассоциировался с нелояльными советской власти слоями: «Бывшие кулаки, пролезшие в колхозы, заносят эти тенденции»²⁴. Однако задача встряски местного партактива диктовала выход за пределы социально-классового антагонизма: «Разбить и сломить саботаж, обуздать саботажников всякого рода и, прежде всего с партбилетами в кармане. <...> Что саботаж есть, – об этом мне нечего вам говорить. <...> Он гуляет у вас по области в широком размере и с ним нет острой большевистской борьбы»²⁵.

Только в Новосибирской области с августа по ноябрь 1942 г. было арестовано за антисоветскую деятельность в сельском хозяйстве 319 чел., кроме того, по уголовным преступлениям (срыв сельскохозяйственных работ, хищение зерна, порча машин и др.) аресту подверглись 1362 чел. Охота на «саботажников» лишала привлекательности занятие ответственных постов в сельском хозяйстве. Во время работы 15-го пленума Алтайского крайкома

²² РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 144.

²³ Там же. Л. 124.

²⁴ Там же. Л. 146.

²⁵ Там же. Л. 147.

ВКП(б) в июле 1944 г. уполномоченный КПК (Комиссия партийного контроля) по Алтайскому краю Косарев сетовал на то, что хорошие колхозники не идут на пост председателей колхозов: «В самом деле, у нас на пост председателя колхоза трудно подобрать сколько-нибудь грамотных, способных товарищей, потому что последним известно из опыта работы товарищей на колхозной работе, что в конечном счете им в перспективе предстоит или быть снятыми с работы, или отданными под суд»²⁶. Кадровая «чехарда», связанная в том числе с высокой ответственностью за любые провалы, являлась характерной чертой военного времени. В том же Алтайском крае только за 1943 г. из 3000 руководящих работников сельского хозяйства сменилась половина, в том числе: до 70% председателей райисполкомов, 40% председателей сельсоветов и 47% председателей колхозов²⁷.

Хлебозаготовительная политика Советского государства уже накануне войны демонстрировала тенденцию к отрыву планов от экономических возможностей сельхозпроизводителей. Наиболее тяжелые для Западной Сибири кампании 1942/43 гг. и 1943/44 гг. наглядно продемонстрировали данный разрыв. Это привело к такому количеству дисбалансов в сельскохозяйственной отрасли, что сам А.А. Андреев вынужден был обратить внимание И.В. Сталина на целый ряд просчетов, допущенных в отношении деревни.

В 1943 г. А.А. Андреев после поездки в Татарскую Республику составил для И.В. Сталина подробную записку, в которой, выйдя за рамки повестки одного региона, обозначил ряд слабых мест в аграрной политике государства. В частности, одним из объектов его критики был введенный в 1940 г. погектарный принцип обложения обязательными зернопоставками. А.А. Андреев указывал, что данный принцип слабо учитывал специфику ряда регионов, прежде всего, Поволжья и Сибири, в которых преобладали многоземельные колхозы. По его мнению, практика хлебозаготовок показала, что сравнительно лучше выполняли план колхозы, в которых больше людей и меньше земельная площадь. Многоземельные колхозы, где нагрузка на трудоспособного колхозника и тягло высокая, отставали с выполнением

---

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 26. Л. 113

²⁷ Там же. Л. 8.

плана, накапливая задолженности, постоянно страдали от недостатка семян, а количество зерна, выдаваемого на трудодни, было сравнительно малым. Вследствие этого у колхозников снижался стимул к артельному труду, а сам колхоз становился отстающим и хронически нуждающимся в помощи. «Мы явно недобираем в заготовках известную часть зерна и других сельскохозяйственных продуктов, – писал А. А. Андреев, – из-за того, что одни колхозы, сравнительно малоземельные, получили облегчение при погектарной сдаче в сравнении с прежним порядком заготовок, а колхозы многоземельные не в состоянии выполнить своих планов заготовок»²⁸.

Еще одну проблему представляло излишнее изъятие из села рабочей силы. В Алтайском крае к 1943 г. из сельского хозяйства было взято в Красную армию и на работу в промышленность 535 896 чел., что составляло 55% всего трудоспособного населения деревни. Нагрузка на трудоспособного колхозника увеличилась почти вдвое, и многие колхозы были не способны справиться с плановыми работами. А. А. Андреев обращал внимание на отсутствие «порядка в деле использования трудовых ресурсов в стране»: «Мы могли бы вполне обойтись без мобилизации людей из сельского хозяйства, привлекая для работы в промышленности и на стройках население городов и служащих различных учреждений, штаты которых мало чем отличаются от довоенных»²⁹.

Вместе с тем А. А. Андреев указывал на недостаточное внимание к обеспечению МТС запчастями и топливом, что стало во время войны одной из причин снижения объемов работы, выполненной МТС и, соответственно, натуроплаты. Если в 1940 г. на один трактор выпускалось запчастей на 594 руб., то в 1942 г. выпуск оценивался только в 146 руб. Неспособность промышленности обеспечить МТС даже минимально необходимыми запчастями создавало, как писал А. А. Андреев, «угрожающее положение»³⁰.

Другой стороной данной проблемы была постоянная нехватка топлива. Из-за отсутствия лигроина в совхозах и МТС простаивали наиболее мощные гусеничные тракторы. Это было

²⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

²⁹ Там же. Л. 195–196.

³⁰ Там же. Л. 194.

связано с дисбалансами экономики военного времени – Наркомнефть значительно сократил производство лигроина для целей сельского хозяйства³¹.

Заключение

Основные характерные черты хлебозаготовительной политики государства в годы Великой Отечественной войны сложились еще в 1939–1940 гг. Уже тогда проявилась тенденция рассчитывать планы в отрыве от реальной картины урожайности. Ставка на мобилизационный и командно-административный методы стимулирования аграрного производства имела двоякий результат. С одной стороны, чрезмерно завышенные планы привели к тому, что регионы Западной Сибири вошли в военный период уже в ослабленном состоянии, а непродуманная хлебозаготовительная политика в дальнейшем только усугубляла порожденные войной дисбалансы в отрасли. С другой стороны, жесткость командно-административного нажима, ужесточение наказаний за провинности способствовали максимизации притока зерна в государственные продовольственные фонды.

Анализ хлебозаготовительных кампаний периода Великой Отечественной войны в Западной Сибири в целом подтверждает уже звучавший в историографии вывод о том, что 1943 г. оказался наиболее тяжелым для сельского хозяйства. Однако, говоря о зерновом производстве, стоит иметь в виду, что провал хлебозаготовок 1943/44 г. в Западной Сибири был во многом подготовлен кампанией 1942/43 гг., выставившей перед сельхозпроизводителями рекордно высокий план, что вкупе с продолжавшейся кампанией расширения посевных площадей надорвало производительные силы деревни.

Литература

- Анисков В. Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск: РАН, 1993. 245 с.
- Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 459 с.
- Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

---

³¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 194.

История советского крестьянства в 3 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны / Под ред. М. А. Вылцан. М.: Наука, 1987. 447 с.

Кондрашин В. В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 289–300.

Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.

Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург: Наука, 1993. 306 с.

Рыжков Н. И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012. 439 с.

Сельское хозяйство в Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Ильиных В. А., Андреевков С. Н., Рыжков В. М. и др. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. 408 с.

Шаранов С. В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 81–88. DOI: 10.15372/HSS20210111

Статья поступила 15.01.2021

Статья принята к публикации 15.02.2021

Для цитирования: *Шаранов С. В.* Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5. С. 155–174. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2021-5-155-174

Summary

Sharapov, S.V., PhD in Historical Sciences, Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

Grain Procurement in Western Siberia during the Great Patriotic War: Plans and Results

Abstract. For the first time in historiography, this paper provides data on the volume of grain procurement plans and results of their implementation for all regions of Western Siberia. Through the example of Western Siberia, the author reveals characteristic features of state grain procurement policy: the plans were drawn up in isolation from economic capabilities of producers, while the methods of command and administrative pressure on collective and state farms led to numerous imbalances in agrarian production. At the same time, strengthening of repressive and mobilization measures not only in relation to the peasantry, but also to the management level reinforced labor and tax discipline in collective and state farms, which, in the opinion of the political center, was the most important factor in a stable flow of grain into state food funds.

Keywords: *agrarian policy; Soviet state; agriculture; grain procurement; Great Patriotic war; Western Siberia*

References

- Aniskov, V.T. (1993). *The sacrificial feat of the village*. Novosibirsk, RAN. 245 p.
- Arutyunyan, U.V. (1970). *Soviet peasantry during the Great Patriotic War*. Moscow, Nauka Publ. 459 p.
- History of the Soviet peasantry in 3 volumes. Vol. 3: Peasantry on the eve of and during the Great Patriotic War* / ed. M.A. Vyltsan (1987). Moscow, Nauka Publ. 447 p.
- Ilinykh, V.A. (2004). *Taxation of the Siberian village. Late 1920s – early 1950s*. Novosibirsk, GUP RPO SO RASHN. 169 p.
- Ilinykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. et al. (2012). *Agriculture in Siberia in the XX century: development problems and crises*. Novosibirsk, Institute of History SB RAS. 408 p.
- Ilinykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Grain procurement in Siberia in the 1930s*. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.
- Kondrashin, V. V. (2005). Peasantry and agriculture of the USSR during the Great Patriotic War. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 7, No. 2. Pp. 289–300.
- Kornilov, G.E. (1990). *Ural village during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Sverdlovsk, Izdatelstvo Uralskogo Universiteta. 221 p.
- Motrevich, V.P. (1993). *Agriculture of the Urals in terms of statistics (1941–1950)*. Ekaterinburg, Nauka Publ. 306 p.
- Ryzhkov, N.I. (2012). *Great Patriotic War: Lend-Lease*. Moscow, Publishing house “*Ekonomicheskaya gazeta*”. 439 p.
- Sharapov, S.V. (2021). The state of agriculture in Novosibirsk and Altai regions on the eve of the Great Patriotic War: economic and socio-political aspects. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1. Pp. 81–88. DOI: 10.15372/HSS20210111

For citation: Sharapov, S.V. (2021). Grain Procurement in Western Siberia during the Great Patriotic War: Plans and Results. *ECO*. No. 5. Pp. 155–174. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-5-155-174